

Испытание славой,

или О том, как мне довелось встречаться с Владимиром Высоцким

Лет двадцать назад, в середине 70-х, я познакомилась с человеком, обладавшим почти неограниченными возможностями. Главным администратором Театра на Таганке Валерий Янкович — а речь пока идет о нем — был всемогущей фигурой: Герои Советского Союза и Социалистического Труда стояли в длинной очереди, чтобы заглянуть к нему в окошко и вымолить пару билетов на "Гамлета" с Высоцким или на "Мастера и Маргариту". И вот благодаря удачному стечению обстоятельств мне удалось войти к нему в доверие.

Свободное посещение Театра на Таганке было огромной привилегией, и я использовал ее на все сто процентов. Спустя столько лет могу признаться, что приглашение понравившейся девушке посетить модный спектакль в популярном театре действовало безотказно. Впрочем, я отдавал предпочтение тем представлениям женского пола, которые хозяйничали за прилавками книжных магазинов.

Понятно, что не только я, но и все мои друзья и знакомые получили возможность пересмотреть весь репертуар Театра на Таганке, а некоторые спектакли и по несколько раз. Между прочим, одним из самых частых моих "клиентов" был популярный ныне депутат Госдумы Константин Боровой, с которым мы когда-то работали в одном НИИ, хотя и виделись редко, поскольку присутственных дней у нас было гораздо меньше, чем библиотечных... Спустя много лет, посетив Кремлевский Дворец съездов на годовщину Российской товарно-сырьевой биржи, президентом которой был Боровой, я подарил ему одну из своих шахматных книг, написав на ней примерно такие слова: "Косте Боровому, которого я когда-то таскал в Театр на Таганке, а теперь он в состоянии приватизировать этот театр. С восхищением и т.д. и т.п...."

Итак, мне казалось, что я уже достиг вершин власти. Но вскоре выяснилось, что истинная власть ждет меня впереди. Однажды Янкович спросил, не могу ли я провести в своем институте концерт Владимира Высоцкого. Я остановился как вкопанный, я лишился дара речи. О том, чтобы посетить сольный концерт Высоцкого, да еще и самому его организовать, можно было только мечтать.

И вот у меня началась новая жизнь. Наконец-то я понял, что не зря получаю кандидатскую надбавку. Предстояло договориться о концерте с местным и заручиться поддержкой парткома. Затем необходимо было решить проблему зала, напечатать билеты, поставить на них печати и прочее.

Высоцкий приехал, дал незабываемый концерт и уехал, а я в своем родном НИИ стал чуть ли не национальным героем. Теперь я и вовсе пере-

стал появляться на службе. Коллегам больше интересовали не мои научные результаты, а то, когда они вновь встретятся с любимым артистом. Спустя несколько недель состоялся второй концерт, а затем и третий. Напомню, что Высоцкому, как правило, запрещалось давать платные концерты: то ли у него не было тарификации, то ли еще чего-то в этом роде. Поэтому выступления обычно назывались шефскими, а концерт с гонораром я вручал его менеджеру Валерию Янковичу в обстановке абсолютной секретности. Вскоре моя слава вышла далеко за пределы института.

Хотя в течение нескольких лет я и провел с Высоцким десятки вечеров, все наши встречи происходили при одних и тех же обстоятельствах. В назначенный день и час я подъезжал за ним на машине — либо к его дому на Малой Грузинской, либо к театру, иногда поднимался в квартиру или забегал в кабинет администратора, затем он садился в "Жигули" или заводил свой "Мерседес", и мы отправлялись на концерт.

Надо сказать, что не все концерты проходили гладко. Так, однажды мы с Янковичем подъехали за Высоцким на "Мосфильм". Валерий вышел за ним на минутку, но вернулись они только через час: съемки неожиданно затянулись. В результате мы примчались в МИЭМ — а концерт в тот день проходил именно в этом институте — только в 14.20, а на 15.00 в аудитории уже было назначено партийное собрание. О его переносе не могло быть и речи (хорошо еще, что партком вообще разрешил провести "шефский" концерт).

Высоцкий взял столь высокий темп, пел с таким накалом, что полностью выполнил свою программу, и хотя "контроль времени" оказался почти в два раза меньше, чем обычно, ни один человек не покинул зал разочарованным.

Иногда в один и тот же день проводилось сразу два выступления — Высоцкий работал на износ. Чуть позже, в машине, он сетовал на то, что у него в театре смехотворная ставка, гонорары за пластинки мизерные и лишь концерты кое-как выручают.

В 1980 году выступления давались Высоцкому с большим трудом. Кроме всего прочего, он еще подхватил какую-то инфекцию, и у него сильно болела нога. Поэтому перед каждым выходом на сцену и после него Янкович делал Володе перевязку.

А в июле 1980-го, за две недели до смерти Высоцкого, мне позвонила Людмила Сигаева из Московского НИИ эпидемиологии и микробиологии. Хотя я не был знаком с этой девушкой, легко было догадаться, какая последует просьба. Я, как обычно, связался с Янковичем, и дело закрутилось. И вот 14 июля 1980 года состоялся очередной концерт. Хотя Высоцкий чувствовал себя плохо, но был в ударе — читал стихи, рассказывал о своих песнях, пел с необычайной энергией.

Конечно, я был очень благодарен Янковичу за то, что он сделал меня "своим человеком" на Таганке, и за то, что в течение нескольких лет я мог присутствовать на концертах народного любимца. Но должен признаться, что и я не остался в долгу. В 1979 году по просьбе моей американской знакомой Барбары Немчек я привел ее на один из таганских спектаклей и заодно познакомил с главным администратором театра. И в дальнейшем в моей помощи она больше не нуждалась. А в скором времени Барбара и Валерий поженились...

А спустя еще несколько месяцев, когда Высоцкий умер, Янкович улетел с Барбарой Немчек в США. И, как выяснилось, поступил весьма мудро. Как недавно рассказала мне кассирша Театра на Таганке с 20-летним стажем Альбина Александровна, сразу после смерти Высоцкого начались гонения на тех, кто был замешан в "шефских" выступлениях барда, кое-кто погорел на этом и даже получил срок... А когда спустя год Янкович, расставшись с Барбарой, вернулся в Москву, все уже улеглось, успокоилось.

Теперь мне осталось рассказать о том, что, собственно, и явилось поводом для напи-

сания этих заметок. До поры до времени Высоцкий, кажется, рассматривал меня как мейнстрима мелкого масштаба, что-то вроде замдиректора дома культуры. И когда в 1976 году я подарил ему свою первую книжку "Математика на шахматной доске", он был искренне удивлен. От человека, который с такой сноровкой носил его гитару, он никак не ожидал, что тот имеет ученую степень, к тому же шахматный мастер. А на подаренной поэту книжке я сделал следующую надпись: "Владимиру Высоцкому, ученому и шахматисту (автору песен "Товарищи ученые" и "Честь шахматной короны") с глубоким уважением и восхищением от автора. Ноябрь 1976. XX век. Евгений Гик".

Понятно, что, общаясь с Володей, я не раз пытался взять у него шахматное интервью, не сомневался, что автор такой замечательной песни заинтересуется игрой. Однако выяснилось, что шахматами он увлекался лишь в школьные годы, а позднее за доску уже не садился. А недавно я узнал от Станислава Говорухина, что он однажды давал Высоцкому шахматные уроки, которыегодились Володе при работе над песней о его "матче" с Фишером...

С той поры прошло девятнадцать лет, и, конечно, я не zapomнил, какие слова написал на подаренной Володе книге. Но вот совсем недавно мне позвонила незнакомая девушка, Лариса Симакова, одна из активных членов клуба поклонников Высоцкого.

— Не расскажете ли что-нибудь о концертах Владимира Высоцкого? — озадачила меня Лариса.

— А откуда вы знаете, что я имел к ним какое-то отношение? — удивился я.

— Мне сказала об этом Людмила Сигаева, ведь именно с вами она связывалась, когда приглашала Высоцкого к себе в институт на его последний московский концерт...

— Мне всегда будет горько об этом вспоминать.

— Но самый последний концерт в его жизни состоялся в подмосковном Болшеве спустя четыре дня, 18 июля. А вас, между прочим, я разыскала благодаря книжке "Математика на шахматной доске", которая имеется в библиотеке Высоцкого.

— Только одна? — невольно вырвалось у меня. — Но ведь в 1979 году я подарил Володе и свою вторую книгу — "Шахматные досуги".

— После смерти Высоцкого, — сказала Лариса, — в его доме перебивало несчетное количество людей, и пропало много книг, не только ваша. Кстати, список всех книг Высоцкого с автографами авторов опубликован в одном из номеров "Ваганта", вестника, который посвящен нашему любимому артисту и поэту. Просматривая этот список, я натолкнулась и на ваше имя.

Нетрудно догадаться, что уже на следующий день я разыскал необходимый выпуск "Ваганта". И в самом деле, в №1 (26) за 1992 год опубликован список всех 109 книг, подаренных Высоцкому. Приведу три надписи на книгах, сделанные тремя поэтами шестидесятниками, лидерами советской поэзии в течение нескольких десятилетий.

Б. Ахмадулина на книге "Стихи". "Володя, как я люблю тебя! Как я соскучилась! Как я счастлива, что — ты! Марина, моя нежность к тебе, мое безмерное восхищение — как объяснить? Люблю. Целую. Белла".

А. Вознесенский на книге "Антимиры". "Володя, милый, спасибо за Ваш талант, подлинность, Вашу распахнутость — страшно за Вашу незащищенность в этом мире — Андрей Вознесенский".

Е. Евтушенко на книге "Идут белые снеги". "Марине и Володе, чтобы даже различаясь, они не разлучались никогда. Ваша любовь благословлена Богом. Ради него не расставайтесь. Я буду мить Ваши тарелки на Вашей серебряной свадьбе. Женя Евтушенко".

В библиотеке Владимира Высоцкого оказалась всего одна шахматная книга. Очевидно, наличие ее — не столь уж важный штрих в биографии поэта. Скорее это приятное воспоминание для автора книжки. А может быть, и небольшой фрагмент шахматной истории.

Евгений ГИК, мастер. (Печатается в сокращении).

На снимке: Владимир Высоцкий на концерте в Калининском государственном университете. 3 июня 1976 года.